

DOI 10.18522/2500-3224-2025-2-56-72

УДК 930

ИСТОРИЯ ДЕЛА «ДОНСКОЙ ПОВСТАНЧЕСКОЙ АРМИИ». 1921–1922 гг.¹

Ганин Андрей Владиславович

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»,

Москва, Россия

andrey_ganin@mail.ru

Аннотация. В конце Гражданской войны Советская Россия, несмотря на победу над белыми, столкнулась с острейшим внутривластным кризисом – массовое повстанческое движение, охватившее многие регионы страны, сочеталось с усилением разногласий в РКП(б) и появлением внутривластной оппозиции. Несмотря на суровую борьбу с оппозиционерами и запрет фракционной деятельности в РКП(б), принятый X съездом РКП(б) в марте 1921 г., оппозиционные настроения проникли и в среду армейских коммунистов, где стали возникать свои группировки. В 1921 г. ВЧК раскрыла дело так называемой «Донской повстанческой армии», фигурантами которого были красные командиры – члены РКП(б), примыкавшие к «рабочей оппозиции». На основе документов Центрального архива Федеральной службы безопасности России и других источников, в том числе материалов Российского государственного архива социально-политической истории и периодической печати, в статье проанализирована содержательная сторона дела и делаются выводы относительно реальных масштабов организации. Показано, что перед судом предстала небольшая группа красных командиров, пытавшихся сначала легальными путями (например, через обращение к В.И. Ленину), а затем нелегально влиять на внутреннюю политику, проводившуюся руководством РКП(б).

Ключевые слова: Гражданская война, повстанческое движение, РККА, ВЧК, ГПУ, Академия Генштаба РККА.

Цитирование: Ганин А.В. История дела «Донской повстанческой армии».

1921–1922 гг. // Новое прошлое / The New Past. 2025. № 2. С. 56–72.

DOI 10.18522/2500-3224-2025-2-56-72 / Ganin A.V. The history of the “Don insurgent army” case. 1921–1922, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2025. No. 2. Pp. 56–72.

DOI 10.18522/2500-3224-2025-2-56-72.

© Ганин А.В., 2025

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

THE HISTORY OF THE “DON INSURGENT ARMY” CASE. 1921–1922¹

Ganin Andrey V.

National Research University Higher School of Economics (HSE),
Moscow, Russia
andrey_ganin@mail.ru

Abstract. At the end of the Civil War, Soviet Russia, despite its victory over the Whites, faced an acute internal political crisis – a massive insurgency that swept through many regions of the country, combined with increased disagreements in the RCP(b) and the emergence of internal party opposition. Despite the harsh struggle against the oppositionists and the ban on factional activities in the RCP(b), adopted by the Tenth Congress of the RCP(b) in March 1921, opposition sentiments penetrated into the milieu of the army communists, where their own groups began to arise. In 1921 The CHEKA uncovered the case of the so-called “Don Insurgent Army”, whose defendants were red commanders, members of the RCP(b), who were affiliated with the “worker’s opposition”. Based on documents from the Central Archive of the Federal Security Service of Russia and other sources, including materials from the Russian State Archive of Socio-Political History and Periodicals, the article analyzes the substantive side of the case and draws conclusions about the actual scale of the organization. It is shown that a small group of Red commanders appeared before the court, first trying to legally (for example, through an appeal to V.I. Lenin), and then illegally influence the internal policy pursued by the leadership of the RCP(b).

Keywords: Civil war, insurgency, Red Army, Cheka, GPU, Academy of the General Staff of the Red Army.

¹ The article was prepared within the framework of the HSE University Basic Research Program.

На рубеже 1920–1921 гг., несмотря на победу красных над их противниками в основных сражениях Гражданской войны, советский лагерь столкнулся с острейшим внутривластным кризисом. Недовольство населения политикой большевиков на фоне послевоенной разрухи и голода породило массовое антибольшевистское повстанческое движение (по терминологии властей того времени – бандитизм), развернувшееся во многих регионах страны. Заметным фактором повстанчества стало и в казачьих районах с их традициями низовой военной самоорганизации и борьбы за свои права. В этой связи возникали обоснованные опасения насчет лояльности Красной армии, против которой теперь сражались не «защитники эксплуататоров, помещиков и капиталистов» и «враги трудящихся» (согласно советской пропагандистской риторике) [Ленин, 1970, с. 44, 155] белые, а такие же, как и сами красноармейцы, простые крестьяне. Не всё благополучно было и в большевистской партии, где усилился разрыв между «верхами», обраставшими привилегиями, и «низами», а в ходе открытой дискуссии о профсоюзах стали проявляться и острые идейные разногласия. Возникли различные течения, в том числе так называемая «рабочая оппозиция», которая отстаивала передачу профсоюзам управления народным хозяйством. По существу, дискуссия была значительно шире вопроса о рабочем самоуправлении посредством профсоюзов – речь шла о властных полномочиях правящей партии. Какими бы ни были вызовы времени, партийное руководство никому не собиралось уступать свою монополию на власть, а сложившаяся ситуация, по мысли лидера партии и главы советского правительства В.И. Ленина, была опасной и требовала укрепления партийного единства.

В марте 1921 г. на X съезде РКП(б) разногласия обострились, и тогда же на фоне событий Кронштадтского восстания съезд принял резолюцию «О единстве партии», запрещающую фракционную деятельность и группировки. Любые отклонения от линии партийного руководства после этого стали потенциально уязвимы для обвинений. Была заложена основа для последующего подавления внутривластной оппозиции, преследования инакомыслящих и установления личной диктатуры И.В. Сталина. Многие члены партии не собирались перестраиваться и продолжали участвовать в тех или иных дискуссиях, за что подвергались различным наказаниям. В числе первых уже в 1922 г. подверглись осуждению сторонники «рабочей оппозиции», а ее лидер А.Г. Шляпников был выведен из ЦК партии.

Партийные разногласия затронули и армейских коммунистов, в среде которых тоже возникали свои группировки. В частности, к «рабочей оппозиции» примыкала группа слушателей Академии Генштаба РККА (с 5 августа 1921 г. – Военная академия РККА), создавшая организацию под наименованием «Донская повстанческая армия» («ДПА»).

Это дело неоднократно упоминалось в различных работах [Баранов, 2005, с. 123–124; Булдаков, 2012, с. 397–398; Грищенко, 2016; Зданович, 2008, с. 259, 262–266; Павлюченков, 2008, с. 82–84; Плеханов, 2013, с. 727–728; Скорик, Тикиджьян, 2010 а, с. 78–79; Скорик, Тикиджьян, 2010 б, с. 358–359; Яблочкина, 2000, с. 239–240], причем ему давались полярные оценки: от призрачных угроз и дела,

намеренно раздутого чекистами [Булдаков, 2012, с. 397–398], до реально существовавшей подпольной организации, готовившей массовое восстание на Дону при опоре на части 1-й Конной армии [Грищенко, 2016, с. 60]. Встречались утверждения, что части РККА даже «вели бои... с Донской повстанческой армией» [Зданович, 2008, с. 259], являвшейся «крупной бандой» [Зданович, 2008, с. 265], и что эта организация пользовалась немалым влиянием на Дону [Яблочкина, 2000, с. 239]. Не всегда достоверные сведения публиковались и о лидере организации З.Ф. Абрамове, которого иногда ошибочно называли казаком [Грищенко, 2016, с. 56] (что важно в контексте темы), хотя он таковым не являлся, а был крестьянином – выходцем с казачьих земель.

Авторы, изучавшие тему «ДПА», в основном ограничивались однотипным набором источников и даже не обращались к опубликованным в центральных газетах материалам судебных заседаний, не говоря о поиске в архивах советских органов госбезопасности. Такой подход не позволял в полной мере разобраться в подоплеке дела и дать ему надлежащую оценку. Так что же это было: вымышленная угроза, реальная подпольная организация, крупная банда или повстанческая армия? Попробуем ответить.

Следственное дело «ДПА» затерялось еще в 1920-е гг. – в июне 1925 г. это дело из архива Верховного суда СССР запросил полномочный представитель ОГПУ по Северо-Кавказскому краю, но поиски ничего не дали [ЦА ФСБ, д. Р-45910, л. 215, 218–220]. Тем не менее есть возможность расширения круга источников по этой теме за счет других документов советских спецслужб, сообщений ГПУ по партийной линии и материалов РКП(б), а также периодической печати.

11 марта 1922 г. ГПУ направило всем членам Политбюро ЦК доклад по этому делу, которое связывало с делом «рабочей оппозиции» [РГАСПИ, ф. 5, оп. 2, д. 50, л. 25–26; РГАСПИ. ф. 17, оп. 84, д. 393, л. 37–39]. Суть документа сводилась к тому, что летом 1921 г. Особый отдел ВЧК раскрыл контрреволюционную организацию «ДПА», состоявшую из девяти подпольных единиц полков и штаба во главе с командующим «Орленком», под именем которого, как выяснилось, скрывался З.Ф. Абрамов.

Абрамов был уроженцем Донской области (неказак, выходцем из станицы Великокняжеской), слушателем Академии Генштаба РККА, начальником штаба 14-й Майкопской кавалерийской дивизии и членом РКП(б) с 1918 г.

В документе отмечалось, что ряд военных работников РККА – молодых коммунистов после ликвидации главных фронтов Гражданской войны стали проявлять политические колебания в связи с изменением политики правительства. Среди слушателей Академии Генштаба РККА возникла оппозиционно настроенная группа в составе З.Ф. Абрамова, К.Е. Шенполонского и Д.Т. Шапошникова. Они примыкали к «рабочей оппозиции» и сблизилась с В.Л. Панюшкиным, который создал альтернативную РКП(б) Рабоче-крестьянскую социалистическую партию, стремившуюся

к сотрудничеству с левыми эсерами и анархистами. Возникла идея распространить эти взгляды в рядах РККА.

Можно добавить, что Шенполонский в связи с принадлежностью к «рабочей оппозиции» в начале 1921 г. даже добровольно вышел из партии [ЦА ФСБ, д. Р-30599, т. 2, л. 12об.], но через несколько месяцев передумал и стал проситься обратно. 29 октября 1921 г. он подал заявление в Бюро фракции РКП(б) Военной академии: «В виду того, что партия РКП после очистки получила физиономию действительно Коммунистической рабочей партии, я прошу принять обратно меня в члены РКП, в которой я состоял с 1917 г.» [РГАСПИ, ф. 17, оп. 35, д. 1390, л. 3].

В тот же день Шенполонский обратился с заявлением к В.И. Ленину, в котором писал: «После моего пребывания почти четыре года членом РКП, я в 1921 году перед X съездом РКП не выдержал и выступил из партии. Исключительной причиной моего выхода из партии было — наплыв элементов буржуазных и карьеристических элементов в нее. Сам я рабочего сословия и с самого начала Февральской революции примкнул к большевикам, а в сентябре 1917 года был уже активным членом СДРПБ¹ и работал в партийной организации 32-го корпуса. После октябрьского переворота я был первым пред[седателем] ревкома 420го п[олка] на Юго-Западном фронте.

С первого дня Гражданской войны командовал все время до моего поступления в академию отдельную часть на фронте, где и был три раза ранен и раз контужен.

В академию меня лично отправил командарм XIV² тогда, когда я был контужен на реке Соже 22 октября 1919 г., которую вверенный мне полк форсировал для выхода в тыл войскам г[енерала] Май-Маевского, оперирующим на орловском направлении.

В настоящее время ввиду очистки нашей РКП от вышеуказанных элементов я решил подать заявление о моем поступлении обратно в нашу РКП, копию заявления при сем прилагаю...

Я как борец, который нес три года на своем штыке пальму вечного мира для всех, кто хочет жить с трудом в свободной стране, обращаюсь к Вам, высокоуважаемый вождь, с просьбой помочь моему настоящему положению с вступлением обратно в свою партию РКП и оказать мне содействие продолжать занятие в академии, дабы я мог бы быть во всеоружии на грядущих полях сражения с буржуазией для достижения намеченного³ нами цели — освобождения рабочего класса от ига капитала, а вместе с тем всего человечества» [РГАСПИ, ф. 17, оп. 35, д. 1390, л. 2–2об.].

¹ Так в тексте. Видимо, РСДРП(б).

² С октября 1919 г. по февраль 1920 г. 14-й армией командовал И.П. Уборевич.

³ Так в документе.

В то время партия была своего рода «орденом», члены которого старались придерживаться товарищеских взаимоотношений, поэтому лидер большевиков уже через два дня оказался посвящен в историю нашего героя и принял в ней деятельное участие. В связи с попыткой Шенполонского восстановиться в партии В.И. Ленин написал 31 октября 1921 г. записку секретарю ЦК РКП(б) В.М. Михайлову с просьбой собрать о претенденте информацию на предмет отношения того к «рабочей оппозиции»: «т. Михайлов! // Ведь до конца чистки закрыты двери? // И нельзя ли узнать, в как[ом] отношении был этот Шенп[олонский] (я его не знаю) к “раб[очей] опп[озиции]”? Оч[ень] прошу собрать справки и сообщить мне. // А при возврате в партию назначить небольшой срок “испытания”. // С к[оммунистическим] пр[иветом] Ленин» [РГАСПИ, ф. 2, оп. 1, д. 21670, л. 1–1об.; публикацию записки см. также: Ленинский сборник, 1970, с. 329].

Записка была отправлена в специальном запечатанном конверте [РГАСПИ, ф. 2, оп. 1, д. 21673, л. 1–1об.].

В тот же день Ленин получил от Михайлова ответ: «Владимир Ильич! Посылаю Вам характеристику о Шемполонском¹ Бюро ячейки [Академии] Генштаба. Относительно порядка вступления в партию во время чистки специального постановления ЦК не было – запрещающий² всякий доступ в партию. Прилагаю по этому вопросу инструкцию комиссии по проверке. Страница 18. С ком[мунистическим] приветом В. Михайлов» [РГАСПИ, ф. 2, оп. 1, д. 21674, л. 1].

Приложенная характеристика была отрицательной. Бюро ячейки РКП(б) академии отмечало, что Шенполонский – «бывший член РКП с 1917 года. За время пребывания в стенах академии проявил себя как неустойчивый коммунист, быстро меняющий свои убеждения и взгляды. То у него является идея об освобождении Палестины, и он выявляет себя сторонником сионизма, то он становится ярким приверженцем рабочей оппозиции, то выя[в]ляет себя как сторонник “Рабочей социалистической партии”. Страдает большим самомнением, бахвальством и вообще производит впечатление ненормального человека. В январе 1921 года подал заявление о выходе из РКП. На основании этого заявления гор[одским] райкомом был исключен из партии. В конце октября подал заявление о приеме его вновь в партию, мотивируя свое вступление тем, что “партия после очистки получила физиономию действительной Коммунистической партии”. // Тройка по очистке членов РКП Военной академии и Бюро ячейки Военной академии, основываясь на вышеизложенном, постановила отказать тов. Шемполонскому³ о приеме в партию и считает, что членом РКП он ни в коем случае не может быть» [РГАСПИ, ф. 2, оп. 1, д. 21674, л. 2]. Характеристику подписали члены Бюро, включая секретаря М.А. Кручинского. После этого Ленин распорядился сдать переписку по этому вопросу в архив [РГАСПИ, ф. 2, оп. 1, д. 21674, л. 1; Владимир Ильич Ленин, 1980, с. 564–565].

¹ Так в документе.

² Так в документе.

³ Так в документе.

Весной 1921 г. Абрамов ездил на свою малую родину, на Дон, где связался с лидером антибольшевистских повстанцев Г.С. Маслаковым (Маслаком) — бывшим командиром 14-й кавалерийской дивизии 1-й Конной армии (командовал ею в начале 1920 г., полутора годами позднее в этой же дивизии оказался Абрамов). Маслаков был тем красным командиром, который отказался воевать с собственным народом и в феврале 1921 г. перешел на сторону повстанцев, причем вместе с частью подчиненной ему тогда 1-й бригады 4-й кавалерийской дивизии [подробнее о нем см.: Грищенко, 2014]. Однако в июле 1921 г. Маслаков был убит.

Получив назначение в 14-ю кавалерийскую дивизию (начдив с января 1921 г. по июль 1922 г. Т.Т. Шапкин), занимавшуюся борьбой с повстанцами, Абрамов продолжил свою работу. Штаб дивизии оказался дислоцирован в станице Великокняжеской, где Абрамов и родился. В докладе ГПУ отмечалось, что из красных ветеранов Гражданской войны на Дону он пытался создать организацию, сочинял воззвания и приказы о нападениях на станицы и воинские части.

7 июля 1921 г. был арестован Панюшкин [В.И. Ленин и ВЧК, 1975, с. 487]. 10 августа он был приговорен к двум годам принудительных работ, а в декабре того же года амнистирован. Скорее всего, это не вывело чекистов на след «ДПА», хотя точной информации на этот счет нет. К.Е. Шенполонский заступался за Панюшкина и даже обращался с этой целью в приемную В.И. Ленина. Фигуранты дела позднее отмечали, что никаких указаний Панюшкин им не давал. Известно и то, что сам Панюшкин отрицательно отнесся к идее вооруженной борьбы с властью [РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 384, л. 26].

Отметим, что двое основных фигурантов дела являлись бывшими офицерами: Захарий (Захар) Филиппович Абрамов в прошлом был подпоручиком, а Даниил Тимофеевич Шапошников — штабс-капитаном. Константин Ефимович Шенполонский, будучи выходцем из еврейской семьи, в старой армии служил нижним чином.

Шенполонский в своих показаниях в 1923 г. так описал историю их организации. Группа начала складываться весной 1921 г., накануне выпуска из академии, причем в ней «были действительно революционеры, искренно преданные делу рабочего класса и готовые на самопожертвование, лишь бы отстоять завоевание Великой пролетарской революции. Но среди них были и такие шкурники-“людишки”, как один из участников процесса, также член РКП, слушатель академии — некий Шапошников... Как Вам известно, весной 1921 г. во всей республике было брожение. Особенно ярко это видно было в центрах — Петроград, Кронштадт и в Москве¹. Даже у нас в академии слушатели — члены РКП проходили усиленно строевые занятия в отряде особого назначения... И вот этот субъект², “член РКП и отряда особого назначения”, видит, что, возможно, придется выступить на баррикадах, отстаивать завоевания Великой пролетарской революции, то он решил и здесь свою шкуру припрятать. // Он великолепно понимал, что если будет переворот, то членам

¹ Так в документе.

² Шапошников.

РКП придется очень круто. Для спасения своей шкуры он выбрал очень легкий путь. // Он участвовал на собрании фракции РКП, где я выступал с указаниями тех причин, которые заставили меня выйти из рядов членов партии. Зная меня как активного борца, он понял, что Шенполонский, вероятно, будет что-нибудь¹ нового добиваться, а лояльным в борьбе не останется. И вот в апреле или мае месяце в здании Академии Генштаба он подошел ко мне и заявил, что он хотя и член РКП, но с партией не согласен, а вполне солидарен со мной. Я ему предложил зайти ко мне на квартиру. // На квартире я подробно изложил ему те требования и реформы, которые мы считали необходимостью добиться от Советского правительства. Он с нами согласился. И так он очутился в нашей группе... // В мае месяце мы кончили учебный год. Абрамов с некоторыми нашими товарищами поехал служить в 1-ю Конную армию. Перед отъездом из Москвы Абрамова я имел с ним беседу целую ночь в его комнате общежития Академии Генерального штаба – гостиница Ливадия на Тверской. // Здесь разбирались вопросы о форме протеста, о средствах. Разбирался текущий момент и т.д. и т.д. ... Здесь мы решили, что перед отъездом из Москвы я должен пойти к тов. Ленину позондировать политическую почву, и, может быть, само правительство даст те реформы, которые² мы думаем добиться вооруженным путем, и просить освободить из тюрьмы тов. Панюшкина с группой. Условились мы с Абрамовым, что я к нему приеду в дивизию через месяц и что он мне оставит письмо и адрес на явочной квартире в Ростове. Провожая Абрамова З.Ф. на вокзал, мы перед отходом его поезда скрестили наши наганы, поклялись друг другу, что задуманный план будет нами выполнен, и З.Ф. Абрамов уехал из Москвы. // Через некоторое время я получил назначение на Украину. Перед отъездом из Москвы я отправился к тов. Ленину с целью заявить ему о тех реформах, которые, мы считаем, нужно дать республике, и просить освободить тов. Панюшкина с группой из тюрьмы. Когда я пришел в приемную Совнаркома, я начал у управляющего Совнаркома просить аудиенции у тов. Ленина, то он мне заявил категорически, что я допущен к Ильичу не буду. // Управляющий заинтересовался, почему я так настаиваю [на] аудиенции у Ильича. Я ему заявил, что [по] весьма важному делу, ибо может быть север не будет в состоянии получить из юга ни одного фунта зерна и другого сырья. // Тогда управляющий предложил мне написать доклад Ильичу, что я и сделал, в докладе намекая на вооруженный протест» [ЦА ФСБ, д. Р-45910, л. 25–30об.].

Много лет спустя, 26 марта 1933 г., Шенполонский на допросе вновь подтвердил связь с Панюшкиным, отметив, что «основными организаторами Донской повстанческой армии были: я – Шенполонский, Шапошников Даниил Тимофеевич (тоже слушатель академии Генштаба) и нач[альник] штаба 14[-й] кав[алерийской] дивизии – Абрамов Захар Филиппович. Были и другие, как, например, Козловский Георгий Константинович, Клеткин, Яковлев Вадим Борисович, но они судом были оправданы. Абрамов З.Ф. получил высшую меру наказания. Все вышеупомянутые

¹ Так в документе.

² Так в документе.

лица являлись членами ВКП(б)¹. С “рабочей оппозицией” был связан я один. Абрамов только один раз присутствовал на собрании “раб[очей] оппозиции”. Из членов “рабочей оппозиции” я знал и был связан с т. Панюшкиным Василием Лукичом (он сейчас директор одного совхоза СКК², член ВКП(б)). Панюшкин знал наши повстанческие настроения, он не мог не чувствовать, что имеет дело с “динамитом”, но прямых директив в этом деле он нам не давал, нашу организационную работу по созданию 1-й Донской он не знал. Совещания “раб[очей] оппозиции” происходили в 5[-м] доме Советов в квартире т. Панюшкина. Из присутствовавших на совещаниях я знал, кроме Панюшкина, Агапова (секретарь Панюшкина), Железняка. Других я не знал. Со слов Панюшкина я знал, что ячейки “рабочей оппозиции” имеются в Донбассе, Таганроге (кажется), Курске» [ЦА ФСБ, д. Р-30599, т. 2, л. 12об.–13].

Примерно о том же в письме на имя председателя ГПУ Ф.Э. Дзержинского от 30 января 1924 г. сообщал Д.Т. Шапошников: «Под влиянием разногласий, выявившихся весной 1921 года на X съезде в лице так называемой рабочей оппозиции, группы Панюшкина и т.п., с одной стороны, а с другой — под влиянием личных переживаний и суждений того времени, у меня возникли оппозиционные настроения, которые в конечном счете, как оказалось, и вылились в то, что я был привлечен к суду Верховного трибунала... по делу Донской повстанческой армии» [ЦА ФСБ, д. Р-45910, л. 92].

Абрамов, согласно обвинительному заключению, занялся созданием повстанческой организации в сентябре 1921 г. [Дело..., 1922 а, с. 3], для чего стал налаживать связи с повстанцами. Расследование установило контакты Абрамова не только с Маслаковым, но и с другими жожаками (с И.В. Молдавановым, Пироговым, Поповым, Сидоровым, Сычевым). Шенполонский, по-видимому, имел какие-то контакты среди таганрогских подпольщиков — по приведенным выше его позднейшим свидетельствам там были не белогвардейцы, как полагало обвинение, а участники «рабочей оппозиции».

В своей деятельности Абрамов использовал служебное положение, получая оперативную информацию о местонахождении повстанцев и помогая им избегать ударов советских войск. Также известно, что он снабжал повстанцев картами и бланками. Среди выдвинутых лозунгов были: «Вся власть советам, а не партиям», «Россия просвещенная, сытая и свободная», «Бить коммунистов и Красную армию». Абрамовым выдвигались и антисемитские лозунги, хотя его ближайший соратник Шенполонский был евреем (впрочем, самого себя в духе времени он идентифицировал как интернационалиста и даже «бывшего еврея» [ЦА ФСБ, д. Р-45910, л. 17]).

В лидеры их движения Абрамов надеялся привлечь видных советских военачальников С.М. Буденного и К.Е. Ворошилова. По мнению историка спецслужб А.А. Здановича, ставка на мятеж Буденного могла в то время при определенных обстоятельствах себя оправдать [Зданович, 2008, с. 264–265]. Кроме того, Абрамов

¹ Тогда — РКП(б).

² Северо-Кавказского края.

предлагал установить связь с активными деятелями антибольшевистской эмиграции Б.В. Савинковым, С.В. Петлюрой и кубанскими самостийниками, считая, что все они прежде всего социалисты. Однако всё это оставалось лишь планами на будущее.

Некоторые воззвания Абрамов сочинял для нагнетания обстановки. Так, один из документов был составлен от имени вымышленного Временного повстанческого правительства, а в другом описывались выдуманные успехи Кубанской повстанческой армии. В конце сентября 1921 г. Абрамов выпустил воззвание с призывом вооружаться и свергать большевиков. По данным следствия, Абрамовым было организовано два нападения на собственную дивизию (в том числе на Особый отдел — для освобождения арестованных), но подробности этого неизвестны, сохранился лишь приказ осуществить такой налет 7 октября 1921 г. Неизвестно, имелись ли для реализации такого нападения какие-либо возможности и каковы были результаты. Если часть документов являлась мистификацией, что мешало издавать и другие аналогичные приказы, которые некому было выполнить? «ДПА» была раскрыта осенью 1921 г., то есть практически сразу после ее возникновения.

Соратник Абрамова Шенполонский стремился повлиять на советскую действительность официальным путем. Так, он написал статью в «Известия», но ее не опубликовали. Как уже упоминалось, он пытался попасть на прием к В.И. Ленину, чтобы предъявить свою декларацию, а также просить освободить Панюшкина, но его не приняли. О сотрудничестве с повстанцами («бандами») он мысли якобы не допускал. Правда, ездил в командировку на юг для встречи с Абрамовым. Со слов Шенполонского, осенью 1921 г. он отказался от участия в деятельности «ДПА» [РГА-СПИ, ф. 17, оп. 84, д. 384, л. 32].

Даже в характеристике Бюро ячейки РКП(б) Военной академии упоминалось о том, что Шенполонский производил впечатление ненормального. После арестов по делу «ДПА» психическое состояние основных фигурантов стало предметом более пристального внимания. Врачебная экспертиза определила Шенполонского как вменяемого, но неуравновешенного человека, не обладающего душевной зрелостью, соответствующей его возрасту и образовательному уровню. Медицинское освидетельствование в январе 1924 г. показало, что он страдает «неврастенией в резкой форме... ясно выраженного психоза не имеется» [ЦА ФСБ, д. Р-45910, л. 97]. Другой фигурант дела, Шапошников, считал Шенполонского «психически ненормальным больным (это признано всеми) гражд[анином]» [ЦА ФСБ, д. Р-45910, л. 92об.]. Впоследствии, в начале 1930-х гг., у Шенполонского была диагностирована шизофрения [ЦА ФСБ, д. Р-30599, л. 50], и он находился на лечении в психиатрической больнице. Отметим, что сомнения в психическом здоровье высказывались и в отношении лидера организации Абрамова. Сидевший с ним в тюрьме П.А. Савицкий на допросе отметил, что «Абрамов производил впечатление экзальтированного человека» [ЦА ФСБ, д. Р-45910, л. 69]. При этом сам Абрамов говорил о Шенполонском «как о человеке непостоянном, неуравновешенном» [ЦА ФСБ, д. Р-45910,

л. 69]. Еще один фигурант дела, К. Экснадиосьянц, и вовсе считал Абрамова и Шенполонского «мальчишками и ненормальными» [Дело..., 1922 b, с. 5].

Важно отметить, что после выпуска из академии Шенполонский оказался вдали от места службы Абрамова. По имеющимся данным, он получил назначение на Украину, также был начальником военной школы 57-й стрелковой дивизии, в октябре 1921 г. был назначен начальником штаба 171-й стрелковой бригады 57-й дивизии, а в декабре — начальником школы той же дивизии в Перми. Таким образом, возможностей для их совместной работы с Абрамовым на Дону не прослеживается. Абрамов был этим задет и уже в тюремных разговорах считал Шенполонского «изменившим ему, Абрамову, и куда-то уехавшим, кажется в Сибирь, и таким образом оставившим его на произвол» [ЦА ФСБ, д. Р-45910, л. 69]. Шапошников также не виделся с Абрамовым после отъезда того в 14-ю кавалерийскую дивизию.

Один из участников «банды» Попова А.И. Уваров, ранее успевший послужить и у красных, и у белых, при попытке ареста на хуторе Ясырев станицы Кургальской 8 октября 1921 г. оказал вооруженное сопротивление, убил помощника командира 3-го эскадрона 80-го кавалерийского полка Прохорова и скрылся (позднее все же был захвачен) [РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 384, л. 23]. В брошенной им одежде чекисты нашли документы «ДПА» за подписью командующего Орленка и начальника штаба Хошуленко (псевдоним Шенполонского), карты и переписку. Стало ясно, что Уварова снабжал данными кто-то из командиров РККА.

Обнаружение документов дало ход делу, была активизирована агентурная работа, развернута агитация в пользу явки участников «банд» с повинной. Вскоре стал ясен круг фигурантов дела. К тому же ряд сведений дали добровольно сдавшие лица. Уже в ноябре 1921 г. начались аресты возможных участников дела, а затем чекисты вышли и на руководителей.

Шапошников был арестован 30 декабря 1921 г., Шенполонский — в январе 1922 г. По делу проходил и бывший поручик В.Б. Яковлев, в прошлом — эсер и вероятный участник белого подполья в Киеве, также слушатель академии.

Летом 1922 г. арестованных судила Военная коллегия Верховного трибунала ВЦИК. Заседания проходили в малом зале Реввоенсовета Республики на Знаменке, 23. Общественным обвинителем выступал комиссар управления 2-го помощника начальника Штаба РККА А.Р. Орлинский, который 3 июля 1922 г. отметил, что речь шла о мелкобуржуазной контрреволюции, причем это не процесс генштабистов, а процесс худших элементов Военной академии [Дело..., 1922 с, с. 4].

Абрамов являлся членом партии и комдивом, но обвинение характеризовало его как «совершенно безыдейного человека», в котором, правда, «проявились черносотенные чувства» [Дело..., 1922 с, с. 4] (как это могло сочетаться с безыдейностью, не пояснялось). Он обвинялся в стремлении бросить вверенную ему дивизию против советской власти. Не остались без внимания и нападения на его же дивизию, в организации которых его обвиняли. Абрамов обвинялся «в антисоветской

пропаганде, в организации вооруженных сил из погромных банд, в поддержке бандитизма, в разложении Красной армии, в использовании коммунистического звания и служебного положения для своих преступных целей» [Дело ..., 1922 с, с. 4]. От Шенполонского отводили тяжелые обвинения, отмечая, что тот не пошел бы на предательство.

Обвинения в адрес Абрамова были справедливы, но не проясняют масштаб деятельности заговорщиков, который выглядит явно преувеличенным. Для оценки истинного размаха «ДПА» достаточно обратить внимание на количество фигурантов судебного процесса. В то время проходили и по-настоящему масштабные судебные процессы. Для сравнения, Семипалатинский губернский ревтрибунал в 1922 г. судил за участие в антибольшевистских формированиях генерала А.С. Бакича не менее 351 человека¹. Здесь же перед судом предстали всего одиннадцать человек, причем более или менее значимыми среди них являлись только трое или четверо. Один из «донских» фигурантов дела прямо заявил на суде, что не придавал значения всей этой истории, считая ее лишь разговорами (правда, при этом он хранил шифр и карты, полученные от Абрамова) [Дело ..., 1922 а, с. 3]. Из сколько-нибудь значимых военных работников, имевших отношение к Дону, по делу проходил помощник Абрамова по должности начальника штаба дивизии Колотенко. Среди других «донских» обвиняемых были два участника «банды» Попова, в том числе уже упоминавшийся Уваров (связной Абрамова с Поповым). Правда, перед судом предстали не все – в отчете о судебном процессе отмечалось, что «по делу должен быть привлечен еще ряд лиц, но некоторые умерли, некоторые скрылись, а дело двух обвиняемых выделено ввиду неприбытия их из СКВО²» [Дело..., 1922 а, с. 3]. Но вряд ли таких лиц могло быть много.

Состав обвиняемых наглядно показывает, что серьезной повстанческой организации на Дону Абрамов так и не создал. Характерно и то, что начальник 14-й кавалерийской дивизии Т.Т. Шапкин сохранял свой пост до июля 1922 г., несмотря на раскрытие контрреволюционной ячейки в штабе дивизии.

Немаловажно, что после отъезда Абрамова на службу в 14-ю кавалерийскую дивизию Шапошников и Шенполонский с ним до их арестов больше не встречались, то есть непосредственного взаимодействия между ними не прослеживается (по другим данным, одна встреча Шенполонского с Абрамовым в начале июля 1921 г. все же произошла [РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 384, л. 27], но в любом случае это было до создания «ДПА»). Роль прочих фигурантов дела была значительно скромнее, несколько человек в итоге были оправданы.

После пятичасового совещания Военная коллегия Верховного трибунала 4 июля 1922 г. вынесла приговор, согласно которому Абрамов и Уваров были приговорены к высшей мере наказания, Шенполонский и еще один участник «банды» Попова по

¹ Материалы дела хранятся в Департаменте Комитета национальной безопасности Республики Казахстан по городу Алматы.

² Северо-Кавказского военного округа.

фамилии Волконогов – к пяти годам лишения свободы, Шапошников и Колотенко – к трем годам лишения свободы без изоляции. Остальные получили меньшие сроки или были оправданы. Буквально через два дня, 6 июля, приговор в отношении Абрамова и Уварова был приведен в исполнение [К делу..., 1922].

Отметим, что ключевые фигуранты дела были связаны с обучением в Военной академии РККА и, возможно, дело «ДПА» стало одной из причин масштабной чистки в академии, проведенной в 1922 г. [Ганин, 2019]

Необходимо упомянуть о последующих перипетиях биографии ключевых фигурантов дела, оставшихся в живых. На следующий год Шенполонский и Шапошников были досрочно освобождены комиссией ВЦИК по разгрузке тюрем, но затем вновь арестованы. Виноват оказался сам Шенполонский, который решил выслужиться и донес начальнику Контрразведывательного отдела ГПУ А.Х. Артузову о контрреволюционных разговорах в период тюремного заключения. По-видимому, именно от него в ГПУ узнали, что Шапошников в тюрьме заявлял о готовности за 10 000 руб. снова выступить с повстанческой армией на Дону [ЦА ФСБ, д. Р-45910, л. 8]. В итоге арестовали и Шапошникова, и самого доносчика. Впрочем, впоследствии обоих освободили.

22 декабря 1924 г. Шенполонский писал своему уже давнему знакомому чекисту А.Х. Артузову в личном письме, что «ДПА» имела лишь демонстративные цели, а реальным военным заговором не являлась [ЦА ФСБ, д. Р-45910, л. 191]. По-видимому, отчасти прав был обвинитель по этому делу Орлинский, заявивший, что «происходящее на Дону и в Москве не было, в сущности, повстанчеством, а, скорее, опасной игрой в повстанчество, но игрой, целиком проникнутой духом бандитизма» [Процесс организаторов..., 1922].

В 1925 г. Шенполонскому было разрешено свободное проживание по всему СССР, а в 1926 г. Центральная контрольная комиссия ВКП(б) постановила реабилитировать его и не возражать против обратного приема в партию. Тем не менее, дело «ДПА» продолжало его преследовать. В общей сложности Шенполонский по разным причинам арестовывался не менее шести раз, неоднократно находился на принудительном лечении в психиатрических больницах, и всякий раз на следствии вспоминали о событиях вокруг «ДПА». На лечении в очередной раз он оказался и в период Большого террора, что, возможно, в результате спасло ему жизнь. Однако данных о дальнейшей судьбе Шенполонского обнаружить не удалось.

Судьба Д.Т. Шапошникова известна. Он, будучи счетоводом в Краснодаре, был арестован и расстрелян в 1929 г. по приговору тройки при полномочном представителе ОГПУ Северо-Кавказского края и Дагестанской ССР, а в 1993 г. реабилитирован.

Что касается «ДПА», то ее громкое название, как показывают документы, вовсе не отвечало содержанию. Речь не шла ни об армии, ни о дивизии повстанцев, ни даже о крупной банде. Неизвестны ни командиры подпольных полков, ни численность сторонников организации, ни какие-либо подробности упоминавшихся

на суде нападения. Всего по делу проходили одиннадцать человек, из которых по-настоящему значимыми фигурантами были не более четырех. Особенно показательно, что в период организации «армии» ближайшие сподвижники лидера группы З.Ф. Абрамова с ним даже не встречались. О рядовых повстанцах за пределами малочисленной группы обвиняемых сведений нет, следовательно, ни о какой повстанческой организации речи не шло, не приходилось говорить и о перспективах организации массового восстания на Дону фигурантами дела. Перед судом предстала небольшая группа красных командиров, пытавшихся сначала легальными путями, а затем нелегально влиять на внутреннюю политику, проводившуюся руководством РКП(б). Отчасти это была даже имитация какой-то нелегальной работы.

Ключевые фигуранты были людьми экзальтированными, неуравновешенными и, видимо, не особенно дальновидными. Абрамов был убежден, что их движение захочет возглавить С.М. Буденный, который затем повлияет в том же духе и на К.Е. Ворошилова, но эти надежды не оправдались. Сколько-нибудь серьезная организационная работа с использованием служебного положения велась, видимо, одним лишь Абрамовым. Он единственный из товарищей по академии находился на Дону по месту службы, и то, как утверждал обвинитель (не имевший оснований для проявления мягкости), его деятельность была лишь игрой в повстанчество. После ареста Абрамова какая-либо нелегальная работа, по данным обвинения, прекратилась [Дело..., 1922 с, с. 4]. Участие других, по-видимому, ограничивалось разговорами и прожектерством.

Тем не менее Особый отдел ВЧК – ГПУ должен был выявлять такого рода группировки и не давать им перерасти во что-то серьезное, и в данном случае он с этой задачей справился. Возможно, дальнейшие поиски в архивах позволят обнаружить новые материалы по этому делу.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Баранов А.В. Повстанческое движение «бело-зеленых» в казачьих областях Юга России (1920–1924 гг.) // *Казачество России в Белом движении. Белая гвардия. Исторический альманах.* 2005. № 8. С. 123–124.

Булдаков В.П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг. М.: РОССПЭН, 2012. 756 с.

В.И. Ленин и ВЧК. Сб. документов (1917–1922 гг.). М.: Политиздат, 1975. 679 с.

Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 11. М.: Политиздат, 1980. 783 с.

Ганин А.В. «Признаки „Запорожской сечи“ почти исчезли...» Обследование и чистка Военной академии РККА в 1922 г. // *История. Научное обозрение. Ostkraft (Москва).* 2019. № 1 (7). С. 5–45.

Грищенко А.Н. «Донская повстанческая армия» (1921 год) // *Актуальные проблемы социальной истории. Сб. науч. статей.* Вып. 17. Новочеркасск: Лик, 2016. С. 56–60.

- Грищенко А.Н.* Освободить народ от ига и плача»: повстанческое движение Григория Маслакова // *От «германской» к Гражданской: становление корпуса народных вожаков русской смуты. Сб. статей и материалов.* М.: АИРО-XXI, 2014. С. 168–200.
- Дело «Донской повстанческой армии» // *Известия.* 1922 а. № 144. 1 июля. С. 3.
- Дело «Донской повстанческой армии» // *Известия.* 1922 б. № 146. 4 июля. С. 5.
- Дело «Донской повстанческой армии» // *Известия.* 1922 с. № 147. 5 июля. С. 4.
- Зданович А.А.* Органы государственной безопасности и Красная армия: Деятельность органов ВЧК – ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934). М.: Кучково поле; Икс-Истори, 2008. 800 с.
- К делу «Донской повстанческой армии» // *Известия.* 1922. № 150. 8 июля. С. 5.
- Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 39. М.: Политиздат, 1970. 624 с.
- Ленинский сборник. Т. XXXVII. М.: Политиздат, 1970. 400 с.
- Павлюченков С.А.* «Орден меченосцев». Партия и власть после революции. 1917–1929 гг. М.: Собрание, 2008. 463 с.
- Плеханов А.М.* Кто вы, «железный Феликс»? М.: Аква-Терм, 2013. 927 с.
- Процесс организаторов Донской повстанческой армии // *Правда.* 1922. № 147. 5 июля. С. 6.
- Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 21670.
- РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 21673.
- РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 21674.
- РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 50.
- РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 35. Д. 1390.
- РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 384.
- РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 393.
- Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г.* Донцы в 1920-х годах: очерки истории. Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ ЮФУ, 2010 а. 243 с.
- Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г.* Переход к нэпу в проблемном поле локальной истории Дона // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории.* 2010 б. Вып. 30. С. 352–361.
- Центральный архив Федеральной службы безопасности России (ЦА ФСБ). Д. Р-30599. Т. 1–2.
- ЦА ФСБ. Д. Р-45910.
- Яблочкина И.В.* Рецидивы Гражданской войны. Антигосударственные вооруженные выступления и повстанческие движения в Советской России. 1921–1925 гг. М.: Хельга, 2000. 495 с.

REFERENCES

Baranov A.V. Povstanchesкое dvizhenie «belo-zelenyh» v kazach'ih oblastjah Juga Rossii (1920–1924 gg.) [The insurgent movement of the “white-greens” in the Cossack regions of Southern Russia (1920–1924)], in *Kazachestvo Rossii v Belom dvizhenii. Belaja gvardija. Istoricheskij al'manah*. 2005. No. 8. Pp. 123–124 (in Russian).

Buldakov V.P. *Utopija, agressija, vlast'. Psihosocial'naja dinamika postrevoljucionnogo vremeni. Rossija, 1920–1930 gg.* [Utopia, aggression, power. The psychosocial dynamics of the post-revolutionary period. Russia, 1920–1930]. Moscow: ROSSPAN, 2012. 756 p. (in Russian).

V.I. Lenin i VChK [V.I. Lenin and VChK]. Sb. dok. (1917–1922 gg.). Moscow: Politizdat, 1975. 679 p. (in Russian).

Vladimir Il'ich Lenin. *Biograficheskaja hronika* [Vladimir Ilyich Lenin. Biographical chronicle]. Vol. 11. Moscow: Politizdat, 1980. 783 p. (in Russian).

Ganin A.V. «Priznaki “Zaporozhskoj sechi” pochti ischezli...» Obsledovanie i chistka Voennoj akademii RKKa v 1922 g. [“Signs of the Zaporozhian Sich have almost disappeared...” Examination and cleaning of the Red Army Military Academy in 1922], in *Istorija. Nauchnoe obozrenie. Ostkraft (Moskva)*. 2019. No. 1 (7). Pp. 5–45 (in Russian).

Grishhenko A.N. «Donskaja povstancheskaja armija» (1921 god) [“The Don Insurgent Army” (1921)], in *Aktual'nye problemy social'noj istorii. Sb. nauch. statej* [Actual problems of social history. Collection of scientific articles. articles]. Is. 17. Novocheerkassk: Lik, 2016. Pp. 56–60 (in Russian).

Grishhenko A.N. «Osvobodit' narod ot iga i placha»: povstanchesкое dvizhenie Grigorija Maslakova [“To free the people from the yoke and crying”: the rebel movement of Grigory Maslakov], in *Ot «germanskoj» k Grazhdanskoj: stanovlenie korpusa narodnyh vozhakov russoj smuty. Sb. statej i materialov* [From the “German” to the Civil: the formation of the corps of the national leaders of the Russian troubles. Collection of articles and materials]. Moscow: AIRO-XXI, 2014. Pp. 168–200 (in Russian).

Delo «Donskoj povstancheskoj armii» [The case of the “Don Insurgent Army”], in *Izvestija*. 1922 a. No. 144. July 1. P. 3 (in Russian).

Delo «Donskoj povstancheskoj armii» [The case of the “Don Insurgent Army”], in *Izvestija*. 1922 b. No. 146. July 4. P. 5 (in Russian).

Delo «Donskoj povstancheskoj armii» [The case of the “Don Insurgent Army”], in *Izvestija*. 1922 c. No. 147. July 5. P. 4 (in Russian).

Zdanovich A.A. *Organy gosudarstvennoj bezopasnosti i Krasnaja armija: Dejatel'nost' organov VChK – OGPU po obespečeniju bezopasnosti RKKa (1921–1934)* [State security agencies and the Red Army: Activities of the CHEKA–OGPU bodies to ensure the security of the Red Army (1921–1934)]. Moscow: Kuchkovo pole; Iks-Histori, 2008. 800 p. (in Russian).

K delu «Donskoj povstancheskoj armii» [On the case of the “Don Insurgent Army”], in *Izvestija*. 1922. No. 150. July 8. P. 5 (in Russian).

Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenij* [The Complete works]. Vol. 39. Moscow: Politizdat, 1970. 624 p. (in Russian).

Leninskij sbornik [Lenin's collection]. Vol. XXXVII. Moscow: Politizdat, 1970. 400 p. (in Russian).

Pavljuchenkov S.A. «*Orden mechenoscev*». *Partija i vlast' posle revoljucii. 1917–1929 gg.* [“The Order of the Swordsmen”. The party and the government after the revolution. 1917–1929]. Moscow: Sobranie, 2008. 463 p. (in Russian).

Plehanov A.M. *Kto vy, «zheleznyj Feliks»?* [Who are you, “iron Felix”?] Moscow: Akva-Term, 2013. 927 p. (in Russian).

Process organizatorov Donskoj povstancheskoj armii [The process of the organizers of the Don Insurgent Army], in *Pravda*. 1922. No. 147. July 5. P. 6 (in Russian).

The Russian State Archives of Socio-political History (RGASPI). F. 2. Inv. 1. D. 21670.

RGASPI. F. 2. Inv. 1. D. 21673.

RGASPI. F. 2. Inv. 1. D. 21674.

RGASPI. F. 5. Inv. 2. D. 50.

RGASPI. F. 17. Inv. 35. D. 1390.

RGASPI. F. 17. Inv. 84. D. 384.

RGASPI. F. 17. Inv. 84. D. 393.

Skorik A.P., Tikidzh'jan R.G. *Doncy v 1920-h godah: ocherki istorii* [The Dontsy in the 1920s: essays on history]. Rostov-on-Don: SKNC VSh JuFU, 2010 a. 243 p. (in Russian).

Skorik A.P., Tikidzh'jan R.G. Perekhod k njepu v problemnom pole lokal'noj istorii Dona [The transition to the New Economic Policy in the problematic field of the local history of the Don], in *Dialog so vremenem. Al'manah intellektual'noj istorii*. 2010 b. Is. 30. Pp. 352–361 (in Russian).

Central Archives of the Federal Security Service of Russia (CA FSB). D. R-30599. Vol. 1–2. CA FSB. D. R-45910.

Jablochkina I.V. *Recidivy Grazhdanskoj vojny. Antigosudarstvennye vooruzhennye vystuplenija i povstancheskie dvizhenija v Sovetskoj Rossii. 1921–1925 gg.* [Relapses of the Civil War. Anti-State armed uprisings and insurrectionary movements in Soviet Russia. 1921–1925]. Moscow: Hel'ga, 2000. 495 p. (in Russian).

Статья принята к публикации 12.05.2025